

ДЕЛА ДОМА НОМЕР СЕМЬ

ШЁПОТ ЗАКРЫТОГО ЛИФТА

АЛЁНА СЕВЕРИНА

Алёна Северина

Шёпот закрытого лифта

<https://litres.ru/74676674>

SelfPub; 2026

Аннотация

После ремонта лифта в доме начинают звучать голоса прежних жильцов. Когда один голос предупреждает о новом преступлении, Вера и Арсений выясняют, кто тайно управляет архивом подъёмника и что скрыли строители.

Алёна Северина

Шёпот закрытого лифта

Глава 1. Лифт без кнопки

Вера Лесина заметила, что лифт остановился между этажами, по тому, как у неё в руке качнулся ключ.

Она как раз проверяла связку: латунный от бывшей архивной комнаты, длинный стальной — от двери в подвал, два новых, ещё пахнущих металлом, от помещений, которые Матвей собирался вскрыть после обеда. Ключи звякнули, и звук отозвался в шахте глухо, будто за стеной стояла пустая бочка. Потом кабина вздрогнула. Не сильно, но достаточно, чтобы Вера поймала себя на том, что задержала дыхание.

В доме на Дворечной, семь, лифтом пользовались редко. Он не был старым в привычном смысле — облупленная краска, решётчатые двери и отполированные десятилетиями поручни давно остались на фотографиях, — но новая кабина ходила по старой шахте. Её установили после пожара, когда часть здания отремонтировали, а остальную часть приспособили под жильё. Пять видимых этажей, два подъезда, неприметный фасад бывшего архивного корпуса. За стенами — проходы, замурованные двери и пустоты, о которых жильцы предпочитали не спрашивать, если в них не начинало дуть.

Ремонт в подъезде шёл вторую неделю. Матвей уверял,

что гул и скрежет — обычное дело, пока меняют электрику и расчищают технические коробки. Вера ему верила. Почти.

Она нажала кнопку первого этажа. Та загорелась, погасла и снова вспыхнула.

Кабина не двинулась.

— Матвей? — позвала Вера.

Её голос вернулся тихим эхом. За стенкой шахты что-то поскребло. Вера подняла глаза на табло. Цифры не горели; над дверью оставался только мутный пластиковый прямоугольник. В тридцать один год она уже знала, что воображение особенно деятельно там, где нет хорошего освещения и есть повод ждать неприятностей. Она не стала звать снова.

Вместо этого вынула телефон. Сигнала не было, но фонарик включился. Луч прошёл по дверям, по царапинам на серой краске, задержался на узкой полосе между створками. Оттуда тянуло сквозняком.

— Ты не на этаже, — сказала она себе вслух.

Не помогло. Но фраза хотя бы звучала как факт.

Вера постучала по двери костяшками. Металл отозвался дрожью. Где-то выше звякнуло, будто кабина задела направляющую, и пол под ногами просел на долю сантиметра. Она крепче сжала ключи. В ту же секунду из-за стены раздался шёпот.

— Не открывай.

Вера не двинулась.

Голос был мужской — негромкий, хриловатый, совсем

близкий. Не из телефона и не из коридора. Он прозвучал так, словно кто-то говорил у неё за плечом, наклонившись к самому уху.

Она обернулась. Кабина была пуста.

— Кто здесь?

Тишина.

Вера поднесла фонарь к стене. На панели управления не было ни динамика, ни отверстия, только кнопки, табличка с телефоном обслуживающей организации и свежая пломба на маленьком металлическом люке. В нижнем углу люка темнело пятно, похожее на старую копоть. Она провела по нему пальцем. Пыль легла на кожу, сухая и тонкая.

Кабина дёрнулась ещё раз — теперь уже вверх.

Вера отступила к поручню. В голове мелькнула неясная, слишком яркая картинка: огонь под потолком, хлопающая дверь, люди на лестнице. Пожар в доме был в 2004 году; тогда вывели жильцов и спасли часть муниципального архива. Она знала это из документов, из протоколов и чужих рассказов, не из собственной памяти. Вера родилась позже. Ей не следовало подменять чужие свидетельства собственными образами.

Лифт медленно пополз вниз.

На первом этаже кабина остановилась без удара. Двери разошлись, и в проёме показалась Нина Савельевна. В одной руке у неё была сумка с продуктами, в другой — связка домофонных ключей. Она смотрела на Веру так, будто ждала

увидеть кого угодно, только не её.

— Ты одна? — спросила домоуправ.

— Да.

— Точно?

Вера вышла. В коридоре пахло влажной штукатуркой и свежей древесной стружкой. За входной дверью дождь постукивал по козырьку. Нина Савельевна не отступила, пропуская её, а продолжала разглядывать кабину.

— Что случилось? — спросила Вера.

— Лифт опять остановился?

— Между этажами. Потом сам поехал.

— И всё?

Вера посмотрела на неё. Нина Савельевна переминала пальцами ручку сумки, и пластиковые пакеты тихо шуршали.

— Кто-то сказал: «Не открывай».

Соседка побледнела не сразу. Сначала её лицо стало неподвижным, а уже потом исчез цвет.

— Когда?

— Минуту назад.

— Слово в слово?

— Да.

Нина Савельевна быстро оглянулась на лестницу. Сверху донёсся стук молотка, потом голос Матвея: он что-то сердито объяснял рабочему. Обычные звуки ремонта вдруг показались Вере нарочно громкими, будто дом торопился дока-

зять, что в нём ничего особенного не происходит.

— Вы знаете этот голос? — спросила она.

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро.

Вера не стала хватать её за руку и требовать правды. Она давно училась не принимать страх за признание. Но и делать вид, что ничего не заметила, не собиралась.

— Я записала время, когда зашла в кабину, — сказала она.

— Проверю журнал обслуживания и вызову техника. Если есть неисправность, её надо зафиксировать.

— Не надо поднимать шум, пока не ясно, что там, — попросила Нина Савельевна.

В просьбе было больше тревоги, чем раздражения. Вера посмотрела на кабину: двери уже закрывались. Она нажала ладонью на датчик, удерживая их открытыми.

— Именно поэтому и надо проверить.

Нина Савельевна опустила глаза. Её пальцы сжали ручку сумки так, что побелели костяшки.

— Вера, не всё, что здесь записано, стоит сразу вытаскивать на свет.

— Это вы мне сейчас про документы или про лифт?

Ответа не последовало. С верхнего пролёта спустился Матвей. На рукаве у него белела полоса шпаклёвки, волосы прилипли ко лбу.

— Ты чего вышла? — спросил он. — Я думал, ты внизу.

— Я была в лифте. Он встал между этажами.

Матвей сразу посмотрел на кабину, потом на сестру.

— Надолго?

— Минуты на две. Потом поехал сам.

— Я сейчас проверю.

— Не лезь в шахту без мастера.

— Я не собирался лезть в шахту.

Они обменялись взглядами. Вера знала этот тон брата: он уже решил, что осторожность — это недоверие к его работе. Но в спор сейчас тягиваться не хотелось.

— Я вызову обслуживающую организацию, — сказала она. — И запрошу журнал.

— Журнал у Нины Савельевны.

Та неохотно кивнула.

— В конторе. Там старые записи и новые.

— Тогда вечером посмотрю.

— Сегодня? — спросила Нина Савельевна.

— Сегодня.

Матвей снял перчатки и сунул их в карман.

— Если кабина встанет ещё раз, пусть никто не лезет сам. Я поставлю табличку.

— Табличку поставь, — сказала Вера. — Но вызов мастера не отменяй.

Он хотел возразить, однако вместо этого протянул ей ладонь.

— Дай ключи. Ты ими всё утро звенишь, а нужный всё равно не найдёшь.

Вера отдала ему связку. Матвей безошибочно отделил длинный ключ от подвальной двери и вернул остальные.

— Я закончу короб у второго этажа и позвоню в диспетчерскую, — сказал он. — Ты не оставайся одна наверху.

— Я не собиралась.

Он задержал на ней взгляд, словно проверял, не говорила ли она это только ради спокойствия. Потом поднялся по лестнице. Нина Савельевна осталась у лифта.

Вера достала телефон и записала время: 10:17. Затем продиктовала короткую заметку: остановка между первым и вторым этажами, сбой табло, шёпот из-за панели, самостоятельное движение кабины. Ни догадки о призраке, ни догадки о том, что соседка знала больше, чем говорила. Пока только то, что она могла подтвердить.

Из кабины донёсся короткий металлический щелчок.

На этот раз обе женщины повернулись одновременно. Табло над дверью ожило. Вместо цифры этажа на нём на миг появилось «04:17», затем экран погас.

Нина Савельевна тихо произнесла:

— Этого не должно быть.

Вера взглянула на часы телефона. Было 10:18.

Она убрала его в карман и протянула руку к двери конторы.

— Тогда посмотрим, что именно не должно.

В конторе пахло пылью, влажной шерстью и старой бумагой. Нина Савельевна включила верхний свет, но длинная

лампа под потолком загорелась не сразу: дважды мигнула, на секунду оставив комнату в сером сумраке.

— Электрик обещал поменять стартер, — сказала она. — Ещё в прошлом месяце.

— Запишем и это, — ответила Вера.

— Ты теперь всё записываешь?

— То, что может оказаться важным.

Нина Савельевна сняла с крючка связку ключей. Вместо того чтобы сразу открыть шкаф, задержала ладонь на дверце.

— Журнал старый. Новые заявки у диспетчера, а сюда я переносу записи с копий. Я не знаю, что именно ты там найдёшь.

— А я не знаю, что там должно быть. Поэтому и хочу посмотреть.

Ключ повернулся с сухим скрежетом. За дверцей стояли папки с номерами подъездов, коробки из-под обуви, заполненные карточками, и несколько толстых книг в потёртых переплётах. Нина Савельевна поставила на стол журнал с выцветшей надписью «Подъёмное оборудование. Осмотры и заявки».

Вера раскрыла его. На первых страницах шли фамилии мастеров, даты осмотров, короткие замечания: «шум в дверном механизме», «замена лампы», «посторонний предмет в направляющей». Чернила менялись, почерк тоже. Края листов были испачканы машинным маслом.

— Это за какой период? — спросила Вера.

— С девяносто восьмого. Потом часть записей вели на отдельных бланках. После пожара архив разбирали, кое-что унесли в муниципальное хранилище, кое-что вернули. А лифтовой журнал тогда лежал здесь.

— Кто его передал?

— Не помню.

— Не помните или не знаете?

Нина Савельевна села напротив. Её лицо стало усталым, будто вопрос оказался тяжелее, чем Вера рассчитывала.

— Я тогда не была домоуправом. Помогала разбирать бумаги, следила, чтобы жильцов не оставили без копий. Часть вещей переходила из рук в руки. Сейчас я не могу сказать, кто именно принёс эту книгу.

Вера не стала продолжать. Она знала: иногда молчание означало попытку скрыть, иногда — предел памяти. Записать следовало оба варианта, но не смешивать их.

Она перелистнула к последним заполненным страницам. Свежие записи были сделаны шариковой ручкой: осмотр, заявка, замена ролика. Вчерашняя строка отличалась особенно аккуратным почерком: «10:12. Кабина остановилась между 1 и 2 этажом. Перезапуск. Работа восстановлена». Под ней стояли инициалы и номер телефона мастера.

— Вчера в это время кабина не останавливалась, — сказала Вера.

— Откуда ты знаешь?

— Вчера в 10:12 я была во дворе. Матвей работал на вто-

ром этаже, а лифт тогда ходил. Сегодняшний случай был в 10:17. Я посмотрела на телефон сразу после того, как вышла.

Нина Савельевна наклонилась к странице.

— Возможно, мастер записал время звонка, а не остановки.

— Тогда почему указано «перезапуск»?

— Не знаю. Я только переписала то, что было на заявке.

Вера подняла глаза.

— Значит, заявка есть отдельно?

Нина Савельевна помедлила. Потом открыла нижний ящик стола и достала тонкую папку с пластиковыми уголками. На обложке стоял штамп обслуживающей организации. Внутри лежали бланки, скреплённые по месяцам. Вера быстро нашла вчерашнюю дату. На заявке было указано: «10:12 — остановка кабины, сообщено жильцом». Графа «время устранения» оставалась пустой. Подписи мастера не было.

— Кто сообщил? — спросила Вера.

— Номер не указан.

— А вы перенесли время в журнал как время остановки.

Нина Савельевна внимательно посмотрела на лист.

— Да.

— Вы видели этот бланк раньше?

— Сегодня утром. Диспетчер прислал копию. Я перенесла запись, чтобы не потерять.

— Кто диспетчер?

— Сменный номер. Обычно там разные люди.

Вера сфотографировала заявку и страницу журнала, отдельно сняв заголовок книги и дату. Нина Савельевна не возразила. Но когда телефон оказался направлен на её руку, она убрала её с края бумаги.

— Моё лицо не снимай.

— Я снимаю документы.

— Ты говорила, что не будешь делать из этого дело против жильцов.

— Я и не делаю.

— Пока не делаешь.

Вера опустила телефон.

— Мне нужен человек, который сегодня слышал голос из кабины. Я не собираюсь объявлять, что это был кто-то конкретный.

— Значит, уже решила, что голос был настоящий?

— Я его слышала. Это факт. Что его вызвало — пока нет.

С лестницы донёсся стук. Матвей появился в дверях, вытирая ладони ветошью.

— Диспетчерскую вызвал, — сообщил он. — Сказали, мастер будет после обеда. Но заявку уже закрыли.

Вера повернулась к нему.

— Кто закрыл?

— Вот и я спросил. В системе стоит «неисправность не подтверждена». Номер обращения могу показать.

— Заявка вчерашняя тоже без подписи мастера, — сказала она. — А время не совпадает с цифрами, которые сегодня

появились на табло.

Матвей нахмурился.

— Четыре семнадцать?

— Да.

— У нас такого этажа нет.

— Знаю.

— Может, это код ошибки.

— Тогда его должен объяснить специалист.

Матвей положил ветошь на стол и придвинул к себе журнал, не касаясь страницы.

— А если кабина встанет до его приезда?

— Перекроем доступ и предупредим всех.

— Кто «мы»?

Вопрос прозвучал резче, чем нужно. Вера посмотрела на брата. На его рукаве осталась белая полоса шпаклёвки, а под ногтем большого пальца темнела грязь. Он всё утро держался так, будто любой сбой в доме мог оказаться обвинением в его адрес.

— Ты займёшься объявлением и поговоришь с жильцами, — сказала она. — Я зафиксирую показания и дождусь мастера. Если он разрешит запускать лифт, будем решать по его заключению.

Матвей прищурился.

— А если жильцы начнут спрашивать, кто перепутал время?

Нина Савельевна закрыла папку.

— Никто его не перепутал. Я записала время сообщения.

— Тогда так и скажем, — ответила Вера. — Что известно, то и скажем.

У Матвея дрогнула челюсть, но он кивнул. Не согласился — принял распределение работы. Это было немного, но сейчас Вера не стала требовать большего.

Телефон в её руке завибрировал. Сообщение пришло с незнакомого номера: «Не открывайте заднюю панель кабины. Там ничего нет».

Вера прочитала его дважды. Подняла взгляд на Матвея.

— Ты кому-нибудь говорил, что я слышала голос из-за панели?

— Никому.

— А про панель?

— Я её даже не трогал.

Нина Савельевна встала так быстро, что стул скрипнул по полу.

— Может, мастер из диспетчерской...

— У диспетчера нет моего номера, — сказала Вера.

Она переслала сообщение себе на рабочую почту, сохранила номер и время получения. Потом открыла дверь конторы. В коридоре было пусто. За стеной глухо двигалась кабина лифта, и на этот раз ни один из них не пошёл следом за звуком.

Матвей снял с крючка табличку «Лифт не работает» и перевернул её чистой стороной.

— Напишу, что пользоваться нельзя до осмотра, — сказал он.

— Именно так.

Вера вернулась к столу, ещё раз сверила фотографию заявки с записью в журнале и поставила рядом две пометки. «10:12 — время сообщения, не подтверждённое время остановки» и «04:17 — индикация табло, причина неизвестна». Рядом с бумагами лежал телефон с чужим предупреждением.

Теперь у них было не только невозможное время, но и человек, который знал, куда она смотрела.

Через двадцать минут во дворе появился белый фургон с облупившейся синей полосой. Он остановился не у подъезда, а напротив, возле старого тополя, и водитель ещё некоторое время сидел за рулём, разглядывая дом. Только потом вышел, достал из кузова алюминиевую лестницу и направился к двери.

— Служба «Горлифт», — представился он, когда Матвей открыл. — Заявка на остановку кабины. Кто ответственный?

— Я, — сказала Вера.

Мужчина скользнул взглядом по её куртке, по папке в руках, по табличке на лифте.

— В заявке указано: «посторонний шум, самопроизвольная индикация, возможное нарушение работы блокировки». Это вы писали?

— Нет. Заявку вчера оставляли жильцы. А сегодня доба-

вилось сообщение диспетчеру.

— Фамилия жильца?

— В журнале нет.

— Тогда начнём с кабины.

Он достал из кармана связку ключей, но Вера не отступила от двери.

— Прежде чем мы зайдём, мне нужно записать ваши данные и номер заявки.

Мастер посмотрел на неё внимательнее. Лицо у него было серое, уставшее, с красной складкой у переносицы.

— Вы хозяйка?

— Управляющая. Вера Лесина.

— Хорошо, управляющая. Номер заявки четыреста двенадцать, время регистрации десять девятнадцать. Инженер диспетчерской передал: пользоваться лифтом нельзя, пока не проверю шахту.

— А почему в журнале за вчера указано, что работа восстановлена?

Мастер замер, держа ключи на ладони.

— Каком журнале?

Нина Савельевна молча положила перед ним раскрытую тетрадь и папку с заявкой. Он наклонился, прочёл строку, потом выпрямился.

— Это не наша отметка.

— Но штамп на папке похож на ваш, — сказал Матвей.

— У нас другая форма. И печать с номером участка, а не

просто круглая.

Вера достала телефон и показала фотографию заявки.

— Здесь тоже ваша служба?

Мастер взял телефон, не касаясь экрана, и нахмурился.

— Похоже. Только подписи мастера здесь нет.

— Вы можете это подтвердить письменно?

— Могу подтвердить, что мой участок вчера сюда не выезжал. А остальное пусть выясняют те, кому положено.

Он сказал это без раздражения, но в голосе появилась осторожность. Вера заметила, как его взгляд снова скользнул к двери кабины.

— Откройте, — попросила она.

— Сначала отключу привод.

Мастер снял пломбу с небольшого металлического шкафа у шахты. Матвей шагнул к нему.

— Пломба уже повреждена.

— Видно, — ответил мастер. — И не сегодня.

Он сфотографировал край шкафа, затем открыл дверцу. Внутри пахло нагретой изоляцией и пылью. Несколько проводов были стянуты новыми пластиковыми хомутами, хотя остальная проводка держалась на старых, пожелтевших креплениях.

— Кто сюда лазил?

— Не знаю, — сказал Матвей.

— Вы ремонт делали?

— Только облицовку в коридоре. В электрощит не лез.

Мастер провёл пальцем по одному из хомутов.

— Вот это поставили недавно. Не на плановом обслуживании. Видите маркировку?

Вера наклонилась. На белом пластике остался чёрный след, будто хомут затягивали грязным инструментом.

— Это мог сделать кто-то из подрядчиков?

— Мог. Но не должен был.

Из шахты донёсся короткий металлический удар. Все четверо одновременно подняли головы.

Звук повторился — уже ниже, под полом. Кабина стояла на первом этаже, двери были закрыты, но внутри что-то передвинулось и тихо коснулось стенки.

Нина Савельевна прижала ладонь к груди.

— Там кто-то есть?

— Нет, — сказал мастер. — Кабина заблокирована.

Он отключил рубильник. Гул за стеной оборвался, однако тишина не наступила. Из глубины шахты потянулся тонкий треск, похожий на шорох плохо настроенного радио.

Потом кто-то прошептал:

— Не надо...

Голос был мужским, приглушённым, совсем близким. Вера почувствовала, как Матвей резко повернулся к ней.

Мастер выругался и отступил от шкафа.

— Вы это слышали?

— Все, — ответила Вера.

Шёпот больше не повторился. Только где-то наверху тихо

поскрипывал металл.

Мастер достал фонарь.

— Теперь точно открываем кабину.

— Вы сказали, что заднюю панель трогать нельзя, — напомнил Матвей.

Вера посмотрела на него.

— Это сообщение прислал неизвестный человек, а не специалист. Мы не будем выполнять чужие распоряжения. Но вскрывать панель можно только при отключённом приводе и в вашем присутствии.

Мастер кивнул, словно именно этого и ждал.

Кабину открывали вручную. Двери разошлись с тяжёлым скрежетом, и в прямоугольнике света показался затёртый линолеум, пятнистые стены, поручень с облупившейся краской. На зеркале кто-то оставил влажный след ладони. Пальцы были длинными и тонкими, но отпечаток расплывался, будто его сделали через ткань.

— Тут никого, — сказал Матвей.

— А задняя панель? — спросила Вера.

Мастер присел у стены, снял защитную планку и осветил внутрь.

Вместо пустоты за панелью оказался узкий технический короб. В нём проходил пучок кабелей, а рядом лежала маленькая чёрная коробочка размером с пачку сигарет. К ней были подведены два свежих провода.

Мастер не прикоснулся к устройству.

— Это не заводская деталь, — сказал он. — Похоже на передатчик или усилитель.

— Для чего?

— Без схемы не скажу. Но голос мог идти через него.

Матвей сжал кулаки.

— Значит, кто-то специально поставил эту штуку?

— Похоже на то.

Вера сфотографировала коробку через открытую панель, затем отступила.

— Вы зафиксируете её в акте?

— Разумеется. Но если вы хотите, чтобы это осталось доказательством, не трогайте до приезда полиции.

— Полиция нужна уже сейчас?

— В дом проникли в техническую часть шахты и изменили оборудование. Я бы вызвал.

Матвей бросил на Веру быстрый взгляд.

— А если они решат, что это мы сами устроили?

— Тогда покажем журнал, фотографии и акт, — сказала она. — Факты не становятся хуже от того, что их проверяют.

Она набрала номер Лады. Та ответила после второго гудка.

— Я слушаю.

— У нас в лифте обнаружили постороннее устройство. Мастер говорит, что оно могло передавать голос. Есть повреждённая пломба и новые провода.

— Не вынимайте его, — сразу сказала Лада. — И не под-

писывайте ничего, где написано «самовольное вмешательство жильцов», если вы не согласны.

— Мастер оформит акт.

— Хорошо. Я еду. И вызовите участкового сами, не через диспетчерскую.

— Уже вызываю.

Вера завершила разговор и набрала полицию. Пока она диктовала адрес, мастер продолжал осматривать кабину. Вдруг он посветил под потолок и нахмурился.

— Здесь ещё кое-что.

На внутренней стороне верхней панели, почти у самого угла, виднелась свежая царапина. Под ней был приклеен кусок серого строительного скотча. Мастер осторожно подсветил его сбоку.

— Это не крепление. Снимали недавно.

— Там тоже устройство? — спросила Нина Савельевна.

— Не знаю. Нужна лестница.

Матвей принёс её из кладовой. Мастер поднялся, но не дотянулся до скотча: кабина была ниже уровня потолка, а лестница шаталась на линолеуме.

— Подержи, — сказал он Матвею.

Тот взялся за стойки. Мастер подцепил край скотча пинцетом, и из-под него выпал плоский пластиковый жетон. Он ударился о пол, прокрутился и остановился у ботинка Веры.

На жетоне был выбит номер: 2—П.

Нина Савельевна побледнела.

— Что это?

— Маркировка старого технического перехода, — сказала она после паузы. — Второй подъезд, проход.

— В доме есть такой переход? — спросил мастер.

— По документам его закрыли после пожара.

Вера подняла жетон не рукой, а краем конверта, который достала из папки.

— А фактически?

Нина Савельевна долго молчала. За стеной шахты остывал выключенный механизм, и из него время от времени доносился негромкий щелчок.

— Фактически, — сказала она наконец, — я не знаю, кто имеет к нему ключ.

Вера положила жетон в конверт и записала время обнаружения. Теперь неизвестный голос был связан не с пустой шахтой и не с ошибкой табло, а с конкретным самовольно установленным устройством. А за стенами дома, согласно старой маркировке, существовал проход, о котором жильцам никогда не рассказывали.

Вера едва успела убрать конверт с жетоном в папку, как внизу хлопнула входная дверь. По лестнице поднялись быстрые шаги, затем в коридоре показался участковый — невысокий мужчина лет сорока с усталым лицом и мокрыми от дождя плечами куртки. За ним шёл молодой сотрудник в тёмной форме, с чёрным кейсом в руке.

— Кто вызывал? — спросил участковый, оглядывая всех

сразу.

— Я, — ответила Вера. — Управляющая домом.

— Лесина?

— Да.

Он сверился с телефоном, назвал фамилию и номер квартиры, откуда поступил вызов. Потом посмотрел на открытую дверь лифта.

— Никто ничего не трогал?

— Устройство не вынимали. Жетон сняли с панели, но мастер работал пинцетом. Я зафиксировала время и сфотографировала.

— Покажите.

Вера передала ему телефон. Участковый пролистал снимки, задержался на фотографии с разошедшейся пломбой, затем кивнул молодому сотруднику.

— Савин, снимай общий план. До инструментов не дотрагивайся.

Мастер отступил к стене. Матвей убрал руки за спину и стиснул пальцы так, будто боялся случайно прикоснуться к чему-нибудь ещё.

— Мне дальше помогать с осмотром или нет? — спросил он.

— Пока нет, — сказал участковый. — Назовите фамилию.

— Лесин Матвей Андреевич. Я ремонт здесь веду.

— Родственник?

— Брат Веры.

Участковый записал данные, не меняясь в лице.

— А вы?

Нина Савельевна назвала себя и должность. Голос её звучал ровно, только на слове «домоуправ» чуть дрогнул.

— Вы первая слышали голос? — спросил участковый.

— Не первая. Все слышали.

— Все — это кто?

Нина оглянулась на Веру.

— Мы четверо. Вера Андреевна, Матвей Андреевич, мастер и я.

— Голос был откуда?

— Сначала из-за стены кабины, — ответила Вера. —
Словно у самого плеча. Во второй раз — из глубины шахты.

— Что именно сказал?

Вера повторила обе услышанные реплики:

— «Не открывай». Потом — «Не надо...».

Участковый посмотрел на неё внимательнее.

— Вы раньше знали о существовании этого прохода?

— Я знала, что в старых схемах есть обозначение, но не знала, сохранился ли он.

— А Нина Савельевна?

Та медленно опустила глаза.

— Я знала о старом техническом помещении.

— Это не то же самое, — резко сказала Лада от двери.

Она вошла бесшумно, стряхнула с зонта воду и поставила его в металлическую подставку у стены. На ней было длин-

ное серое пальто, застёгнутое до подбородка, и выражение лица человека, который уже успел составить три версии произошедшего и ни одной не доверял.

— Чистякова, адвокат, — представилась она участковому. — Прибыла по просьбе управляющей. Прошу внести в протокол, что жильцы не препятствуют осмотру, но не признают самовольного вмешательства с их стороны.

— Пока никто ни в чём не признаётся, — сказал участковый. — И вы не торопитесь писать за них объяснения.

— Я тороплюсь не дать написать за них лишнего.

Вера почувствовала, как напряжение в лифтовом холле стало плотнее. Даже старый плафон под потолком будто светил теперь жёстче, выделяя каждую царапину на серой краске.

Савин присел у порога кабины и начал фотографировать внутреннюю панель. Вспышка резала полумрак короткими белыми ударами. Когда он направил камеру под потолок, из вентиляционной решётки донёсся тихий шорох.

Все замолчали.

Шорох повторился — словно по металлическому листу провели ногтем.

— Это он? — спросил Матвей.

Мастер покачал головой.

— Механизм остывает. Я говорил.

— Механизм не шепчет, — сказал Матвей.

— Я тоже не говорил, что шепчет.

Савин поднялся и постучал костяшками по панели. Из кабины ответило гулкое эхо. Он посмотрел на участкового.

— Тут звук может гулять по шахте. Если устройство простое, его могли поставить в любом доступном месте и вывести проводом к кабине.

— Выводить проводом куда? — спросила Вера.

Мастер указал на узкую щель между стеной и верхней панелью.

— Вот сюда. Провод свежий. Но дальше он уходит за обшивку.

Савин надел перчатки и осторожно просунул в щель тонкий щуп. Почти сразу из кабины раздался щелчок, а затем тот самый голос — приглушённый, хриплый, будто говоривший через ткань:

— Не закрывайте второй проход.

Нина Савельевна вздрогнула и прижала ладонь к груди.

Лада резко повернулась к мастеру.

— Вы включили устройство?

— Нет.

Савин вытащил щуп. На его конце болтался тонкий медный контакт.

— Это не случайная наводка, — сказал он. — Здесь есть питание.

Участковый подошёл ближе.

— Оно сейчас работает?

— Похоже на запись, — ответил Савин. — Повтор сраба-

тывает от вибрации или замыкания контакта. Нужно отключить питание и изъять всё целиком.

— Делайте.

Мастер нахмурился.

— Если я сниму панель, пломба окончательно уйдёт.

— Она уже повреждена, — сказала Лада. — Только зафиксируйте состояние до демонтажа.

Савин достал из кейса маленький измерительный прибор. Пока он подключал щупы, Вера заметила, что на внутренней стенке кабины возле плинтуса проступила тонкая полоса грязи. Не пыль — серый след, будто по краске недавно провели чем-то металлическим.

Она присела, не касаясь поверхности.

— Здесь тоже свежая царапина.

Матвей наклонился рядом.

— Как будто кабель протащили.

— Или инструмент, — сказал участковый. — Не делайте выводов раньше времени.

— Я не делаю, — ответила Вера. — Я показываю.

Он посмотрел на неё и впервые слегка смягчился.

— Это правильно.

Савин включил прибор. Тот коротко пискнул.

— Питание идёт не от лифтового шкафа. Напряжение слабое, автономное. Батарейный блок.

— Значит, неизвестный мог поставить его без доступа к электрощиту? — спросила Вера.

— Мог. И, скорее всего, так и сделал.

— А как он оказался внутри закрытой шахты?

На этот раз никто не ответил сразу.

Нина Савельевна вынула из кармана связку ключей. Старые ключи звякнули, ударившись друг о друга.

— Доступ к техническому уровню был у ремонтной бригады, у прежнего электрика и у меня.

— У вас есть ключ от второго перехода? — спросил участникый.

Нина сжала связку.

— От двери между подъездами — нет.

— Но вы знаете, где она находится?

Она подняла взгляд на Веру.

— За архивной кладовой в первом подъезде. Дверь заложили после пожара.

— Заложили кирпичом? — спросил Матвей.

— По документам — да.

— А на деле?

Нина Савельевна медленно подошла к стене напротив лифта и постучала по штукатурке. В одном месте звук вышел глухим, в другом — пустым.

— Я не проверяла, — сказала она. — После пожара всё делали в спешке. Потом запретили туда ходить.

— Кто запретил? — спросила Лада.

— Комиссия.

— Какая именно?

— Городская. Документы должны быть в архиве.

— Должны — это не ответ.

— Лада, — тихо сказала Вера.

Адвокат повернулась к ней.

— Я не давлению. Я уточняю, пока у нас не исчезли ещё какие-нибудь страницы.

Вера снова посмотрела на стену. За штукатуркой действительно мог находиться старый проём, но пока это оставалось только предположением. Зато устройство уже было фактом, а повторившаяся запись связывала его с переходом, который много лет существовал лишь в обрывках чужих воспоминаний и неполных схемах.

Савин осторожно отключил батарейный блок. Голос больше не повторился.

В тишине стало слышно, как дождь барабанит по жестяному козырьку над входом.

— Устройство упакуем отдельно, — сказал участковый. — Жетон тоже. Все присутствующие дадут объяснения. До выяснения обстоятельств лифт не использовать.

— А если жильцам нужно попасть на верхние этажи? — спросила Лада.

— Лестница пока цела.

Матвей усмехнулся, но без веселья.

— Пока.

Участковый бросил на него предупреждающий взгляд.

Вера открыла папку и достала старую копию плана дома,

которую утром нашла среди документов родственника. На схеме второй подъезд был обозначен тонкой линией, а между архивной кладовой и лифтовой шахтой стоял маленький квадрат с пометкой «2—П».

— Вот, — сказала она. — Это не слух и не поздняя подрисовка. План датирован девяносто восьмым годом.

Нина Савельевна склонилась над листом, но не прикоснулась к нему.

— Тогда проход ещё числился действующим.

— А в акте после пожара его уже нет, — добавила Вера.

Лада наклонилась над схемой.

— Значит, первым делом нужно найти акт и сопоставить подписи.

— И понять, кто имел доступ после закрытия, — сказал участковый.

Он закрыл блокнот.

— Найдите документы, но ничего не вскрывайте сами. Если за стеной есть помещение, мы оформим отдельный осмотр.

Вера кивнула. Она уже хотела спросить Нину, где хранится архивный журнал, когда из-за стены донёсся один короткий стук.

Не шёпот. Не голос. Чёткий удар из пустоты.

Нина Савельевна побледнела, а Матвей шагнул к кладовой.

— Стоять, — приказал участковый.

Все остались на месте. Через несколько секунд стук повторился — на этот раз ниже, у самого пола.

Савин поднял фонарь и направил его на стену. В узкой трещине под плинтусом блеснуло что-то металлическое.

Лада тихо сказала:

— Теперь у нас есть не только запись.

Вера смотрела на блеск, понимая, что за стеной, возможно, находился предмет, который неизвестный не успел забрать, и что с этой минуты закрытый проход перестал быть старой отметкой на бумаге.

Савин присел, не касаясь стены коленом. Узкая трещина проходила под плинтусом, и блеск виднелся только тогда, когда фонарь попадал на него под острым углом.

— Никому не двигаться, — повторил он уже спокойнее. — Матвей, отойдите от кладовой. Лада, запишите время.

— Двадцать один сорок семь, — сказала Лада, глядя на экран телефона. — Участковый, вы сами будете изымать?

— Буду.

Савин достал из сумки тонкие перчатки, надел их поверх тех, что уже были на руках, и попросил Веру принести из подъезда металлическую линейку. Пока она ходила, в коридоре никто не произносил ни слова. Дождь за стенами дома стал глуше, словно весь его шум ушёл вниз, в старую шахту.

Вера вернулась с линейкой и остановилась у порога. Матвей стоял рядом с братом, скрестив руки на груди. Он смотрел не на щель, а на Нину Савельевну. Та избегала его взгля-

да.

— Что? — спросила она.

— Вы знали, что там что-то есть?

— Я знала, что в этом доме много чего нет в документах.

— Это не ответ.

— Другого пока нет.

Савин подал Вере знак, и она положила линейку на пол, не приближаясь к стене. Участковый измерил расстояние от угла, отметил положение щели и только после этого просунул плоский конец инструмента в зазор. Металл зацепился за предмет. Раздался сухой скрежет, от которого Нина вздрогнула.

— Не тяните, — сказала Лада. — Если это часть конструкции...

— Я вижу, — ответил участковый, уступая место Савину. — Дальше извлекайте и упаковывайте вы, под моим контролем. Согласуйте продолжение осмотра и проследите, чтобы до него никто не входил в кладовую без вас.

Савин работал медленно. Из-под плинтуса показался край плоской жестяной коробки, покрытой серой пылью. На крышке проступала синяя полоса и две выцветшие буквы: «Т.Л.».

Матвей невольно подался вперёд.

— Техническая лестница?

— Или техническая линия, — ответила Вера.

— Или чьи-то инициалы, — сказала Лада.

Коробка застряла. Савин не стал тянуть её силой. Он сфотографировал положение предмета, затем проверил плинтус по всей длине и нашёл место, где один гвоздь был забит не в древесину, а в свежую шпаклёвку. Шляпка отличалась от остальных — чистая, почти блестящая.

— Её недавно снимали, — сказал он.

Матвей присел рядом, но участковый остановил его рукой.

— Не трогать.

— Я только посмотрю.

— Вы уже посмотрели достаточно.

— Если бы я хотел что-то спрятать, не стал бы звать вас.

— А если бы хотели найти?

Матвей поднял глаза. Несколько секунд они молча мерили друг друга взглядами, и в этой короткой паузе Вера увидела знакомое упрямство брата — то самое, из-за которого он мог в одиночку вскрыть старую трубу, а потом объяснять, что иначе было нельзя.

Она положила ладонь ему на плечо.

— Отойди.

— Вера...

— Отойди, Матвей.

Он отступил, резко выдохнув через нос. Это было не согласие, а уступка, но сейчас и её хватало.

Савин достал из пакета пластиковый шпатель. Плинтус поддался неожиданно легко. За ним обнаружилась полоса

тёмной полости, забитая обломками штукатурки. Жестяная коробка лежала внутри боком, так что достать её можно было только после снятия ещё одного участка плитуса.

— Кто ремонтировал здесь пол? — спросил участковый.

Нина подняла руку, будто отвечала на уроке.

— Весной. После протечки.

— Кто именно?

— Бригада Матвея.

Все повернулись к нему.

— Я менял только разбухший участок у входа, — сказал Матвей. — До кладовой не доходил. Там пол сухой был.

— Плитус?

— Не трогал.

— Рабочие?

— Двое. Один уже уехал из города, второй сейчас на другом объекте. Могу дать телефоны.

— Дадите.

Савин осторожно освободил коробку. На её боку осталась свежая белая царапина, а на дне, там, где металл соприкасался с полом, виднелся комок коричневого строительного мусора. Никаких следов крови, ткани или земли. Только пыль, краска и запах старого железа.

Он переложил находку на чистый лист упаковочной бумаги.

— Ничего не открываем здесь.

— Даже если внутри документы? — спросила Вера.

— Особенно если документы.

Коробка была размером с ладонь. Крышку удерживала маленькая защёлка, покрытая зелёным налётом. На торце проступала дата, нанесённая белой краской: «04». Ниже кто-то процарапал ножом цифры «17–8».

Нина Савельевна увидела их и побледнела сильнее.

— Вы знаете, что это значит? — спросила Вера.

— Нет.

Но ответ прозвучал слишком быстро.

Лада повернулась к ней.

— Нина Савельевна, сейчас самое плохое время для неполных ответов.

— Я не обязана помнить каждую царапину на каждой коробке.

— Не обязаны. Но вы узнали дату.

— Я узнала год. Пожар был в две тысячи четвёртом.

— А «17–8»?

Нина провела пальцами по краю кофты, собирая ткань в складку.

— В архиве так обозначали связки дел. Сначала номер шкафа, потом ячейка. Но это не официальный формат, а старый внутренний.

Вера почувствовала, как внутри всё стянулось.

— Какого архива?

— Жилищного.

— Муниципального?

— Раньше он был здесь, — ответила Нина. — До пожара. Часть перевезли в администрацию, часть передали в районный отдел, а кое-что... — Она запнулась. — Кое-что люди забрали, когда спасали документы.

— И «Т.Л.»?

Нина посмотрела на коробку.

— Так подписывали материалы технической линии. Лифтовые журналы, акты осмотров, заявки на ремонт шахты.

Лада медленно выпрямилась.

— Вы говорили, что после пожара никаких журналов не осталось.

— Я говорила, что в официальной папке их не было.

— Это не одно и то же.

— Я знаю.

Тишина стала плотной, почти осязаемой. Где-то наверху хлопнула дверь, и звук прокатился по лестничной клетке. Вера подумала о невозможном времени в журнале, о голосе, который повторил цифры, и о том, что кто-то недавно трогал плинтус. Не призрак оставил свежую шпаклёвку. Не дом сам спрятал коробку обратно в стену.

Савин упаковал находку, заклеил пакет и расписался на ленте.

— Осмотр продолжим завтра с понятыми и специалистом по конструкциям. До этого никто не снимает облицовку, не включает лифт и не входит в кладовую без меня.

— А если тот, кто спрятал коробку, вернётся? — спросила

Вера.

— Тогда ему придётся объяснить, почему он вернулся к месту, которое официально не должно существовать.

Снаружи у подъезда резко затормозила машина. Свет фар полоснул по мутным окнам и скользнул по лицам. Матвей подошёл к стеклу, но не стал выглядывать.

— Машина без номеров? — спросила Лада.

— Номера есть, — сказал он. — Просто грязные.

Вера заметила движение во дворе: человек в тёмной куртке стоял у старого мусорного контейнера, повернувшись к дому. Он не прятался, но и не делал вид, что ждёт кого-то. Через несколько секунд фигура подняла голову к окнам кладовой.

Вера шагнула к двери.

— Я его знаю?

— Не выходите, — приказал Савин.

Фигура отвернулась и пошла к арке. Матвей уже взялся за ручку, но Лада встала перед ним.

— Если это тот, кто оставил коробку, вы сейчас только испортите всё.

— А если он уйдёт?

— Он уже уходит.

Савин связался по рации с патрульной машиной, стоявшей на соседней улице. Потом подошёл к окну и записал приметы: рост, куртка, кепка, прихрамывание на левую ногу. Вера смотрела, как незнакомец исчезает в дождевой пе-

лене, и вдруг заметила на его руке светлую полосу — такую же синюю, как краска на жестяной коробке.

Она не сказала этого вслух. Не потому, что боялась ошибиться, а потому, что впервые за вечер у неё появилась вещь, которую можно было проверить. И прежде чем превращать наблюдение в обвинение, Вера достала блокнот и записала ровно то, что видела: мужчина, тёмная куртка, левая нога, синяя отметина на правом запястье.

Глава 2. Последний рейс

Дождь усилился, и двор быстро потемнел. Вода стекала по оконному стеклу кладовой кривыми дорожками, размывая очертания арки и голых кустов. Савин ушёл к патрульной машине — передать приметы и проверить, не попал ли мужчина в камеры у перекрёстка. Лада осталась у стола, переписывая номера коробки и листов в отдельный блокнот. Матвей стоял возле двери, скрестив руки на груди, и всем видом показывал, что ждать ему надоело.

Вера закрыла свой блокнот.

— Начнём с журналов.

— Сейчас? — Матвей посмотрел на тёмное окно. — В подвале вода, света там половина ламп нет, а этот тип может вернуться.

— Именно поэтому сейчас, — сказала Вера. — Пока мы помним, что нашли и где это лежало.

— Ты думаешь, он вернётся за коробкой?

— Я думаю, что не знаю. А это разные вещи.

Арсений, до этого молча рассматривавший схему эвакуации, прикреплённую к стене, поднял голову.

— В подвале есть второй щиток?

— Есть, — ответила Нина Савельевна. — За бывшей прачечной. Но он заперт.

— Ключ?

Нина задержала взгляд на Вере, словно заранее просила не сердиться.

— У меня.

— Тогда пойдёмте, — сказал Арсений. — Если кто-то включал подъёмник или вмешивался в проводку, лучше понять это до того, как он решит повторить.

Матвей фыркнул:

— Подъёмник? У нас лифт, а не шахта на руднике.

— В документах старой инвентаризации он проходит как грузопассажирский подъёмник, — ответил Арсений. — Название менялось, а конструкция — не вся.

— Вы уже успели изучить документы?

— Успел прочитать то, что висит у вас на стене.

— Там половина схемы закрашена.

— Поэтому я и хочу увидеть вторую половину.

Нина Савельевна достала из кармана связку ключей. Один ключ был плоский, с чёрной пластиковой головкой; второй — маленький, почти игрушечный, с выщербленным зубцом. Она передала их Вере.

— Журнал в комнате домоуправления. Все вызовы, оста-

новки, осмотры. За последние десять лет. Старые журналы — в подвале.

— Вы сами их смотрели? — спросила Лада.

Нина поправила ворот шерстяной кофты.

— Конечно.

— Тогда почему не сказали про коробку раньше?

— Потому что я её не видела раньше.

— А про старую шахту?

— Про шахту знают все, кто живёт в этом доме.

— Знать, что она существует, и знать, что там сохранилось, — не одно и то же.

Нина поджала губы, но спорить не стала. Только открыла дверь и первой вышла в коридор.

В комнате домоуправления пахло пылью, мокрой одеждой и старой бумагой. На подоконнике стоял электрический чайник, рядом остывала кружка с двумя пакетиками заварки. Стены занимали шкафы с папками, часть которых была подписана аккуратным почерком Нины Савельевны, а часть — чужими, выцветшими чернилами.

Журнал лифта нашёлся в нижнем ящике стола. Толстая книга в потёртой серой обложке, прошитая бечёвкой. На первой странице стоял штамп управляющей конторы и дата: январь 2014 года.

Вера надела перчатки.

— Почему журнал не в шкафу?

— Чтобы мастер мог взять его без моего присутствия.

— И возвращал?

— Обычно.

Арсений наклонился над страницей.

— Обычно — это сколько?

— Достаточно, чтобы не потерять.

Лада села на край стола и включила диктофон.

— Я записываю только разговор. Не возражаете?

— Возражаю, — сказала Нина.

— Тогда я буду писать рукой.

Лада убрала диктофон, достала ручку.

Вера перелистнула первые страницы. Записи шли ровно: дата, время вызова, причина, подпись. «Задержка дверей — устранено». «Посторонний шум при спуске — подшипник проверен». «Кабина остановилась между третьим и четвёртым — пассажиров нет, перезапуск автоматики». Почерк менялся, но формулировки почти не менялись.

— Смотрите, — сказал Арсений.

Он положил палец на строку от двадцать третьего ноября прошлого года.

«22:40. Кабина отправлена на пятый этаж. Возврат не выполнен. Причина — ручной режим. Исполнитель: К. М.»

Вера перечитала запись.

— Кто такой К. М.?

— Мастер из обслуживающей организации, — ответила Нина. — Климов Михаил Петрович.

— Он работал здесь?

— Несколько раз приезжал.

— Почему ручной режим отмечен только один раз?

Нина посмотрела на страницу.

— Потому что это единственная неисправность за год.

Арсений покачал головой.

— Ручной режим не неисправность.

— А что?

— Способ управления. Когда автоматика отключена, кабиной можно двигать с поста внутри машинного помещения или с временного пульта. Обычно его используют при ремонте, проверке направляющих, замене троса. Но в журнале должна быть отметка, кто включил режим, с какого времени и почему.

— Здесь написано «причина — ручной режим», — сказала Нина.

— Это всё равно что написать «дверь открыта — потому что открыта».

Он перевернул страницу назад. Вера заметила, что лист от двадцать третьего ноября был чуть плотнее соседних, словно его вытаскивали и клеивали заново. Внизу виднелась бледная полоска клея.

— Здесь лист меняли, — сказала она.

Нина резко выпрямилась.

— Не выдумывайте.

— Я не выдумываю. Видите край?

Арсений взял журнал за угол, не касаясь бумаги пальца-

ми.

— Действительно. Неровная прошивка. И чернила на соседней странице старше.

— Журнал нам передала контора, — сказала Нина. — Я ничего не клеивала.

— Значит, клеивал тот, у кого он был до вас, — ответила Вера.

На следующей странице нашлась короткая запись: «23:05. Возврат в автоматический режим. Замечаний нет». Между двумя строками оставалось пустое место, вырезанное лезвием. Бумага была тонкой, но разрез проходил ровно по всей ширине.

Матвей наклонился ближе.

— Кто-то вырезал кусок.

— Не кто-то, — тихо сказала Вера. — Тот, кто хотел убрать время или имя.

— И мы опять ничего не знаем.

— Знаем, что кабину в тот вечер переводили на ручное управление.

Арсений выпрямился.

— И что человек, который это делал, имел доступ к журналу.

— Климов? — спросила Лада.

— Пока только инициалы в записи. Нужны путевой лист и данные обслуживающей организации.

Нина отвернулась к шкафу.

— Климов умер два года назад.

В комнате стало теснее.

— Тогда кто подписал запись? — спросила Вера.

— Его сменщик, вероятно.

— Вероятно — не доказательство, Нина Савельевна.

— Я понимаю.

Это прозвучало устало, без прежнего раздражения. Нина достала из шкафа папку с договорами, положила на стол и стала искать нужный лист. Вера заметила, что пальцы у неё дрожат.

Пока Лада просматривала договор, Арсений взял со стены план подвала. Лист был сложен в четыре раза, на сгибах проступили ржавые пятна от скоб.

— Вера, здесь нет машинного помещения.

— Оно над шахтой, на техническом этаже.

— На плане его нет.

— Технический этаж не входит в общую нумерацию.

— А вход?

— Из чердачного коридора. Дверь заколочена.

Матвей поднял брови:

— Ты говорила, что там просто вентиляционная ниша.

— Я говорила, что так указано в инвентарной описи.

— А на деле?

Арсений провёл ногтем по плану.

— На деле здесь должен быть шкаф ручного управления.

— Должен? — переспросила Вера.

— Посмотрите. Линия от шахты уходит в сторону, потом обрывается. В старых схемах это обозначали как пост наблюдения или ремонтный пульт. Кто-то поверху нанёс слой краски.

Нина Савельевна сжала папку.

— В чердачный коридор никто не ходит.

— Значит, проверить будет проще, — сказала Вера.

— Дверь заколочена.

— У меня есть ключи от помещений, которые Матвей собирался вскрыть.

Матвей посмотрел на неё.

— Не от той двери.

— Тогда откроем не ключом.

— Вера.

— Мы не ломаем замок, — вмешался Арсений. — Сначала осмотрим. Если дверь действительно закрыта строительными гвоздями, составим акт и вызовем представителя организации.

— Вызовем? — Матвей усмехнулся. — А пока будем любоваться следами?

Арсений повернулся к нему.

— Пока будем делать так, чтобы найденное можно было использовать, а не только обсуждать на кухне.

Матвей выдержал его взгляд, затем отвернулся.

В папке Лада нашла акт технического обслуживания за ноябрь. Исполнитель значился тот же — К. М. — но подпись

была другой, размашистой, с длинной нижней чертой.

— Здесь сказано: «Произведена проверка аварийного ручного управления». Дата — двадцать третье ноября, время — 21:50.

— А в журнале 22:40, — заметила Вера.

— Разница почти час, — сказал Арсений. — И в акте нет отметки о переводе кабины обратно.

— Может, мастер ошибся временем.

— Может. Но тогда почему в журнале вырезан кусок именно между включением и возвратом?

Лада подняла взгляд.

— Давайте не будем пока называть это подделкой. У нас есть несоответствие и повреждённый лист.

— Согласна, — сказала Вера. — Нам нужно увидеть сам пульт.

Она взяла ключи. Нина Савельевна вдруг накрыла её руку ладонью.

— Вера, не ходите туда одна.

— Я не собиралась.

— Я не об этом. Не ходите вообще, пока не станет ясно, кто там был.

Арсений тихо сказал:

— Именно поэтому я пойду первым.

Вера посмотрела на него. В его лице не было ни желания командовать, ни привычной уверенности человека, который всё уже решил. Только спокойное понимание риска.

— Хорошо, — сказала она. — Но без вскрытия двери.

— Договорились.

Они вышли в коридор. Матвей пошёл следом, ворча, что если дверь держится на ржавых гвоздях, то никакой акт не спасёт её от падения. Лада задержалась, чтобы сфотографировать записи, а Нина осталась у стола, прижав ладонь к закрытому журналу.

На лестнице свет мигнул. Где-то в шахте глухо ударило, будто кабина тронулась сама.

Все остановились.

Через несколько секунд снизу донёсся металлический скрежет и короткий звон — один, затем второй. Вера почувствовала, как ключи в её руке качнулись в такт движению.

— Никто не вызывал лифт, — сказала Лада.

Арсений уже спускался к площадке первого этажа.

— Значит, проверим, где он остановился.

Они выбежали в холл. На табло над дверью горела цифра «5», хотя кабина должна была находиться на первом этаже после утренней проверки. Затем цифра погасла, и лифт медленно пошёл вниз.

Арсений поднёс ладонь к створке, не касаясь её.

— В ручном режиме он не реагирует на вызовы с этажей, — сказал он. — Если управление действительно включено, кто-то находится у пульта.

Кабина остановилась на первом этаже и открыла двери. Внутри никого не было. На полу лежал тонкий слой серой

пыли, а у задней стенки виднелась свежая царапина, словно недавно протащили металлический ящик.

Вера вошла первой и заметила на панели управления узкую синюю полосу. Краска была содрана с края кнопки аварийного вызова, а под ней проступал тот же яркий цвет, что на жестяной коробке и на запястье незнакомца.

Арсений наклонился к панели.

— Это не заводская маркировка.

— Но и не случайная царапина, — сказала Вера.

Из глубины шахты донёлся тихий щелчок. Двери кабины начали закрываться, хотя никто не нажимал кнопку.

Арсений резко удержал створку рукой.

— Теперь наверх, — сказал он. — Найдём пульт раньше, чем тот, кто его включил, успеет стереть следы.

Арсений удерживал створку, пока Вера не отступила к порогу. Матвей уже стоял в холле, подставив плечо второй двери, и теперь следил за шахтой так, словно ждал, что из неё высунется чья-нибудь рука.

— Не трогай панель, — сказал Арсений. — И вообще ничего здесь не трогай.

— Я и не собирался, — ответил Матвей. — Я собирался не дать ей закрыться.

Он убрал плечо. Двери сомкнулись сами, без рывка, с ровным металлическим шорохом. На табло над ними снова загорелась цифра «1».

Вера вспомнила синюю полосу у кнопки аварийного вызо-

ва: при осмотре кабины она заметила, что краска лежала на металле неровно, в одном месте поблескивала свежая стружка. Кто-то провёл по панели инструментом, но не стал доводить работу до конца.

— Если пульт за стеной, мы должны понять, с какой стороны к нему подходят, — сказала она. — Без вскрытия.

— В старой схеме машинное помещение отмечено над шахтой, — ответил Арсений. — Но фактически его могли перенести. После ремонта девяносто восьмого года в документах нет ни акта передачи, ни новой схемы.

— Есть дверь на пятом этаже, — сказала Вера. — Которая не значится ни в одном плане.

Матвей нахмурился.

— Та, что за шкафом в коридоре?

— За встроенным шкафом. Нина Савельевна сказала, что там бывшая ниша для инвентаря.

— Я вчера заглядывал. За шкафом стена.

— Ты заглядывал между шкафом и стеной, — уточнила Вера. — А не за ним.

— Потому что он вмурован.

Арсений посмотрел на него.

— Если шкаф закрывает доступ к шахте, не надо его двигать, пока не проверим крепления.

Матвей шумно выдохнул, но спорить не стал. Они поднялись по лестнице. Лифт остался внизу; за дверями время от времени позванивал металл, будто кабина остывала после

долгой работы.

На пятом этаже их встретила узкая полутёмная площадка. Окно над лестничным пролётом было залеплено старой плёнкой, от которой шёл запах сырой пыли. Встроенный шкаф действительно занимал почти всю стену: дверцы перекошились, ручки сняли, на боковине проступали следы нескольких слоёв краски.

Матвей провёл ладонью по верхнему краю.

— Он не вмурован. Просто закреплён в двух местах.

— Ты же говорил, что стена, — заметила Вера.

— Я говорил, что за ним стена. Она там и есть.

Он достал из кармана фонарь, но не инструмент. Арсений осмотрел крепления, фотографируя каждое прежде, чем коснуться. За шкафом обнаружилась деревянная панель, на первый взгляд неотличимая от стены. По краям сохранились узкие металлические петли. В центре, почти скрытая под краской, была круглая выемка.

Вера достала из связки латунный ключ от архивной комнаты. К выемке он не подошёл. Тогда Матвей подсветил сбоку, и на краю проступили две короткие насечки, расположенные одна над другой.

— Не ключ, — сказал Арсений. — Защёлка.

Он надавил на верхнюю насечку, потом на нижнюю. Панель не подалась. Матвей присел и осмотрел нижнюю часть.

— Тут паз. Её надо приподнять.

— Не руками, — сказала Вера.

— Я и не руками.

Он достал тонкую пластиковую монтажную лопатку. Арсений снова сфотографировал панель, затем кивнул. Матвей осторожно вставил лопатку в нижний паз и потянул на себя. Раздался сухой щелчок. Панель поднялась на несколько миллиметров и застыла.

— Ещё один фиксатор сверху, — сказал Арсений. — Не тяни.

Вера нащупала пальцами край. Под краской скрывалась металлическая скоба. Она нажала на неё, и панель отошла от стены. За ней не было прохода — только неглубокая техническая ниша, в которой умещались узкий щиток, рукоятка и лампа с зелёным стеклом. На щитке белела табличка с выцветшей надписью: «РЕЗЕРВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ. ДОПУСК ТОЛЬКО ПО НАРЯДУ».

Арсений не стал приближаться.

— Вот и ручной режим.

— Он рабочий? — спросила Вера.

— Не знаю. Но рукоятка в положении «включено».

На пластине под ней сохранились две отметки: «ОБЩ.» и «СЛУЖ.» Рядом торчал небольшой ключ, вставленный в замок. Его головка была синей.

Матвей выругался вполголоса.

Вера не потянулась к ключу. Она сняла нишу целиком на телефон, затем сфотографировала табличку, рукоятку и провод, уходивший к старому коробу. Арсений сделал то же са-

мое с другого угла.

— Сначала проверим документы, — сказал он. — Никаких переключений. Если щиток связан с тормозом или цепью безопасности, одно неверное движение может запустить кабину.

— Значит, тот, кто включал лифт, знал, что делает, — сказал Матвей.

— Или знал достаточно, чтобы считать себя осторожным, — ответил Арсений. — Это не одно и то же.

Вера присмотрелась к синей головке. На её краю была царапина, а на металле вокруг замка виднелись свежие следы. Такой же яркий оттенок она видела на панели кабины и на руке человека у кладовой. Но пока это оставалось совпадением, а не доказательством. Человек мог испачкаться краской; ключ мог быть помечен кем угодно.

— Этот ключ кто-нибудь узнаёт? — спросила она.

— Такие ставили на служебные шкафы, — сказал Матвей. — Но это не ключ от двери. Тут заводской профиль, старый. Арсений посмотрел на надпись о допуске.

— В журнале должен быть наряд. Кто включал резервное управление, когда и зачем.

— Журнал испорчен как раз в нужном месте, — сказала Вера.

— Значит, понадобится второй источник. Акт работ, накладная, запись у диспетчера. Что-нибудь, что не хранилось рядом с этим щитком.

— Если такие записи вообще уцелели.

— Проверим.

Снизу донёлся звон. Все трое замерли. Через несколько секунд лифт загудел, и цифра за мутным стеклом табло перескочила с «1» на «2».

Арсений шагнул к лестнице.

— Он снова пошёл.

— Мы ничего не трогали, — сказал Матвей.

— Именно. Поэтому не будем сейчас угадывать, что случилось. Посмотрим, куда он придёт, и зафиксируем время.

Вера ещё раз сфотографировала нишу. Зелёная лампа не горела. Рукоятка оставалась в положении «включено», а синяя головка ключа неподвижно торчала в замке.

Они спустились на этаж ниже и остановились у площадки, откуда было видно табло. Кабина дошла до третьего этажа и замерла. Никакого вызова не прозвучало. Через полминуты лифт двинулся вверх, затем остановился на пятом.

— Кто-то управляет им отсюда? — прошептала Вера.

Арсений покачал головой.

— Пока мы не знаем, связан ли щиток с движением на-прямую. Может быть, это только переключатель питания. Может быть, кто-то нажимает кнопки из кабины. А может быть, неисправна автоматика. Нам нужно установить, какой режим включён и кто им пользовался.

Сверху донёлся короткий удар, потом тишина.

Вера посмотрела на Арсения.

— Мы нашли ручное управление. Но тот, кто оставил свежие следы, мог быть здесь минуту назад.

— Мог, — согласился он. — Поэтому теперь мы не одни, кто знает о нише.

Они вернулись к шкафу, не касаясь панели. Арсений составил короткую запись о найденном щитке и оставил её у себя, а Вера отправила Ладе фотографии с отметкой времени. Матвей встал на площадке так, чтобы видеть и лестницу, и коридор.

Когда Вера закрыла нишу, защёлка встала на место беззвучно. Но синяя головка ключа осталась у неё перед глазами: не как имя виновного, а как знак того, что кто-то сумел добраться до забытого управления и не хотел, чтобы его заметили.

Нина Савельевна появилась на площадке, когда Вера убрала телефон в карман.

Она несла связку ключей и старую папку, прижатую к боку. На папке темнел прямоугольник от снятой наклейки; бумага по краям распушилась, словно её много раз доставали из сырого шкафа и каждый раз торопливо убирали обратно.

— Вы опять у лифта, — сказала Нина Савельевна. Не спросила, а констатировала. — Я слышала, он ходил.

— Сам, — ответил Матвей. — Мы его не трогали.

Нина посмотрела на закрытую панель, потом на Веру.

— Нашли ручное управление?

Вера не стала говорить, что это уже не тайна. Вопрос про-

звучал слишком точно, а папка в руках домоуправа слишком явно относилась к старым записям.

— Нашли. Вы знали, что оно здесь?

Нина Савельевна опустила взгляд на ключи. Один из них был длинным, с потемневшей головкой, похожей на ту, что Вера только что видела в замке.

— Знала, что в доме был такой режим. Где именно — не помнила.

— Это не одно и то же, — сказала Лада, подходя со стороны лестницы. — Вы можете объяснить, откуда у вас папка?

— Могу. Но сначала хочу понять, что именно вы нашли.

Вера заметила, как Арсений напрягся, хотя голос его остался ровным.

— Переключатель и замок под ключ, — сказал он. — Пока неизвестно, что конкретно включает этот режим. Мы не проверяли.

— И правильно, — ответила Нина Савельевна. — Тогда, после пожара, лифт нельзя было оставлять на обычной автоматике. Временная схема, ручное управление — чтобы вывозить коробки и тех, кто не мог идти по лестнице.

— После пожара 2004 года? — уточнила Вера.

Нина Савельевна кивнула.

— Архив тогда разбирали по этажам. Не весь эвакуировали сразу. В подъезде были люди, которым нельзя было доверить лестницу. Нам дали распоряжение не пользоваться лифтом без ответственного, но потом сделали исключение.

— Кто распорядился? — спросил Арсений.

— Не помню.

— Это можно проверить.

— Я принесла журнал, — сказала Нина Савельевна и подняла папку. — Но не тот, который вы уже смотрели. Там записи по дому. Текущий ремонт, выдача ключей, кто заходил в служебные помещения. За тот год.

Лада не протянула руку за папкой.

— Вы решили показать это только сейчас?

— Я не знала, что оно вам понадобится.

— А когда узнали?

Нина Савельевна не ответила сразу. В коридоре над ними скрипнула дверь, но никто не вышел. Из шахты тянуло холодом и пылью.

— Когда услышала, что лифт ходит без вызова, — сказала она наконец. — Я не хотела, чтобы вы решили, будто кто-то из жильцов таскает архив. Тогда много чего исчезло. И если теперь начать раздавать имена без доказательств, людям опять придётся оправдываться за то, чего они не делали.

Вера увидела в её лице не испуг перед обвинением, а старую, привычную попытку удержать дверь закрытой. Нина Савельевна снова защищала жильцов — и снова сама решала, какую правду им можно выдержать.

— Мы не собираемся обвинять никого по одной записи, — сказала Вера. — Но журнал должен быть у тех, кто проверяет факты. Вы можете передать его Ладе, а она зафикси-

рует, где он хранился и кто им пользовался.

— Могу, — сказала Нина. — Только не сейчас на площадке.

Лада посмотрела на папку.

— Тогда в комнате домоуправа. При мне и при Вере. Ничего не изымаем, пока не опишем состояние и даты.

Нина Савельевна кивнула. Её согласие далось не сразу, но она сама сделала шаг к лестнице.

Вера хотела пойти следом, однако Арсений задержал её жестом.

— Я проверю схему, пока у нас есть время. Если ручное управление действительно предусмотрено для эвакуации, где-то должна быть инструкция или приложение к пожарному плану.

— В архивах?

— Возможно. Но сначала посмотрю то, что находится здесь. Старые планы часто хранили в щитовой, рядом с отметками о переделках. Если листы не выбросили при ремонте.

Вера на секунду замешкалась. Одной ей хотелось идти за Ниной Савельевной и видеть каждую страницу. Но Лада уже была рядом с ней, а Матвей мог помочь Арсению осмотреть помещение. Никто не просил Веру выбирать между контролем и доверием; она сама привыкла считать, что если отойдёт, что-нибудь будет упущено.

— Я пойду с Ладой, — сказала она. — Матвей, останься

с Арсением. Только ничего не включайте.

— Я понял.

— И не вскрывайте панель.

— Вера.

— Я знаю. Просто говорю вслух.

Матвей посмотрел на неё с усталым раздражением, которое тут же сменилось пониманием.

— Я не полезу. Если ты хочешь, чтобы я помог, скажи, что именно сделать.

Вера чуть не ответила привычное «ничего». Вместо этого посмотрела на Арсения.

— Запишите, где именно лежали бумаги, если найдёте.

— Запишу, — сказал он.

Нина Савельевна ждала у лестницы. Вера пошла за ней.

В комнате домоуправа пахло мокрыми пальто, канцелярским клеем и чаем, который давно перестали пить. На столе лежали ведомости жильцов, несколько квитанций и коробка с выцветшей надписью «2004». Нина Савельевна поставила папку рядом, но не раскрыла.

— Я не собираюсь отдавать оригиналы, — предупредила она.

— И не нужно, — сказала Лада. — Сначала посмотрим, что это, снимем копии и составим опись.

Вера не стала спрашивать, почему папка столько лет была у Нины. Она лишь заметила, что та держит ладони по обе стороны обложки, словно боится не потерять её, а отпустить.

— Я спрятала её не для себя, — тихо сказала Нина Савельевна. — Тогда несколько семей могли остаться без квартир. В списках были ошибки, а люди уже жили здесь. Если бы архив пошёл по инстанциям без объяснений, их бы записали как самовольно занявших помещения.

— Это объясняет, почему вы боялись, — сказала Лада. — Но не отменяет того, что другие могли иметь право на эти сведения.

Нина посмотрела на неё, затем — на Веру.

— Я знаю.

Она сняла ладони с обложки.

Под верхним листом оказалась копия схемы эвакуации. Бумага пожелтела, но красные линии лестниц и шахты читались ясно. У лифта стояла отметка: «режим вывоза — только по команде дежурного». Ниже, другим почерком, было приписано: «пост управления — техниша, доступ по ключу у ответственного».

— «Техниша», — произнесла Вера. — Там, где мы нашли щиток?

— Вероятно, — сказала Лада. — Но это ещё нужно сопоставить с планом здания.

Вера перевернула лист. На обороте стоял штамп городского аварийного управления и дата — апрель 2004 года. Рядом карандашом были вписаны фамилии дежурных. Последняя строка оказалась перечёркнута, а вместо фамилии оставили только инициалы: «С. К.».

Лада сфотографировала обе стороны.

— По этой записи нельзя утверждать, кто управлял лифтом, — сказала она. — Но можно проверить, кто имел доступ и кто дежурил.

— А если запись подделана? — спросила Нина.

— Тогда нужна независимая копия или другое подтверждение. Мы не будем делать вывод раньше времени.

За стеной глухо стукнуло. Вера подняла голову. Потом раздался голос Матвея, короткий и сердитый:

— Арсений, не трогай пока.

Она уже встала, но Лада коснулась её локтя.

— Дай им десять секунд. Если нужна помощь, позовут.

Вера задержалась у стола. Ей хотелось немедленно оказаться рядом, увидеть, что случилось, убедиться, что никто ничего не включил. Но за дверью не было ни крика, ни повторного удара — только приглушённый разговор.

Нина Савельевна осторожно придвинула к Вере схему.

— Я должна была показать это раньше.

— Да, — ответила Вера. — Но сейчас показали.

Это не было прощением, и Нина не стала делать вид, будто ожидала его. Она только кивнула.

Из коридора донёсся стук в дверь.

Арсений стоял на пороге, держа под мышкой плоский металлический футляр. На крышке белела старая этикетка: «Пожарные схемы. Не уничтожать».

— Нашёл в настенном шкафу у щитовой, за накладкой, —

сказал он. — Не вскрывал. Матвей заметил, что крепления свежие.

Вера посмотрела на футляр, потом на схему на столе.

— Там есть инструкция к ручному режиму?

— Не знаю. Но на крышке указан номер дела. Номер совпадает с тем, что стоит на вашей копии.

Нина Савельевна побледнела.

Лада придвинула к футляру чистый лист.

— Тогда сначала фиксируем, где и в каком состоянии он найден.

Арсений положил футляр на стол, не выпуская из рук.

— И ещё. За накладкой свежая царапина. Кто-то открывал шкаф недавно.

Вера взглянула на собственные записи в телефоне: время, отметки, фотография ниши. Синяя краска на ключе всё ещё ничего не доказывала. Но теперь у них были две независимые точки, сходящиеся в одном месте: найденный щиток и документы, которые кто-то пытался спрятать или снова достать.

— Открываем при свидетелях, — сказала она.

Лада кивнула и достала бланк описи.

В этот раз Нина Савельевна не попыталась заслонить папку собой.

Лада разложила на столе листы описи, включила диктофон и вслух назвала время. Савин проверил, что в комнате нет никого, кроме них, и занял место у двери. Матвей остал-

ся рядом с Арсением: тот держал футляр, а Матвей придерживал его основание, чтобы металл не скользил по столу.

— Сначала крышка, — сказала Лада. — Фиксируем, что под ней, не перемещая содержимое.

Арсений провёл пальцем по потемневшему замку. Тот не поддался. Матвей подал ему тонкую отвёртку, но Лада остановила его жестом.

— Не вскрываем инструментом, пока не проверим, нет ли внутри пломбы или крепления.

— Я осмотрел только снаружи, — сказал Арсений. — На петле есть винт с сорванным шлицем. Его уже пытались откручивать.

Вера наклонилась к футляру. На боку, почти под самой крышкой, обнаружилась узкая полоска бумаги. Выцветшая, зажата между металлом и уплотнителем. Она указала на неё, не касаясь.

Лада сфотографировала полоску с линейкой, затем осторожно вытянула пинцетом. Бумага распалась по краям, но надпись сохранилась: «Режим только при отключении общего питания. Проверить тормоз перед ручным ходом».

Нина Савельевна провела ладонью по груди, словно у неё внезапно перехватило дыхание.

— Я помню такую формулировку. В старых инструкциях она была. Но я никогда не видела самого механизма.

— Значит, механизм всё-таки существовал? — спросила Вера.

— Был рычаг в шкафу у щитовой. Его убрали после пожара. Или я думала, что убрали. Потом говорили, что его отправили на склад.

— Кто говорил?

Нина замялась. Её взгляд скользнул к Савину, потом вернулся к Вере.

— Дежурный мастер. Фамилию я не помню. Это было давно.

— Тогда так и запишем, — сказала Лада. — Свидетель помнит сообщение, но не может назвать источник.

Вера не стала подталкивать Нину к фамилии. Ей хотелось, чтобы та произнесла хоть одно имя и тем самым придала разрозненным записям форму. Но имя, вырванное из памяти нажимом, стало бы не доказательством, а ещё одной ловушкой.

Лада сняла размеры футляра и сверила их с номером дела. Только после этого Савин разрешил ослабить замок. Арсений поддел его не отвёрткой, а тонкой пластиной из набора инструментов. Металл щёлкнул.

Под крышкой лежала сложенная схема, тканевый мешочек и книга с узкой красной обложкой. На схеме проступал план шахты: кабина, направляющие, машинное отделение и маленький прямоугольник рядом с нижней площадкой. Его обвели карандашом и подписали: «Ручное управление. Ключ у дежурного».

Вера достала из кармана связку и отложила её на стол, от-

дельно от футляра. Среди ключей не было ни одного с такой маркировкой. Один старый ключ она уже считала ключом от архивной комнаты, но длинный стальной, который Матвей приготовил для подвала, мог подойти к любому служебному замку. Пока это оставалось лишь предположением.

Арсений склонился над схемой.

— Ручной режим здесь не означает, что кабину можно было свободно возить между этажами, — сказал он. — Это аварийный привод. Им перемещают её до ближайшей площадки, если автоматика отключена и тормоз исправен. Без проверки тормоза трогать нельзя.

— А если кабина застряла между этажами? — спросил Матвей.

— Тогда сначала выясняют, почему. Ручной привод не отменяет осмотр шахты и положения кабины.

Слова Арсения прозвучали буднично, почти сухо, но Вера услышала в них то, что он не стал добавлять: движение лифта во время пожара могло оказаться не спасением, а смертельным риском.

Она перевернула схему. На обороте шла краткая последовательность действий и таблица дежурств. Часть строк расплылась от воды. В сохранившихся отметках значились отключение питания в 19:42 и проверка тормоза в 19:49. Рядом с последней записью стояли инициалы: «С. К.».

В комнате стало тихо.

— Те же инициалы, что на листе из папки, — сказала Ве-

ра.

— Совпадение пока, — отозвалась Лада. — Но уже проверяемое. Нужна подлинность обеих записей и источник каждой копии.

Арсений провёл ногтем по краю страницы, не касаясь чернил.

— Здесь две разные ручки. Отметка об отключении сделана раньше, чем запись о проверке. Это видно по пересечению линий.

— То есть кто-то сначала отключил питание, а потом отметил, что проверил тормоз? — спросил Матвей.

— Или заполнил журнал задним числом. По одному листу нельзя сказать. Но время разрыва между записями составляет семь минут.

Вера смотрела на прямоугольник ручного поста. Семь минут — достаточно, чтобы спуститься к нижней площадке, открыть щиток, обнаружить неисправность или принять решение, которое потом не захотели объяснять. Но она не позволила себе достроить сцену.

— Есть ещё что-нибудь? — спросила Лада.

В тканевом мешочке лежала небольшая латунная бирка с выбитым номером 3 и обломок плоского ключа. Бирку сфотографировали, ключ описали и упаковали отдельно. На его обломанной части виднелась полировка, слишком чистая для предмета, пролежавшего двадцать лет в пыльном футляре.

— Это недавно трогали, — сказал Арсений.

— Или хорошо хранили, — возразила Лада. — Зафиксируем состояние, не вывод.

Вера посмотрела на свежую царапину у шкафа, о которой говорил Арсений, затем на блестящий обломок. Человек, открывавший нишу, мог искать именно этот ключ. Или хотел убедиться, что он по-прежнему там. Ни один вариант пока не объяснял, зачем.

Савин осторожно спросил Нину:

— Вы знали о футляре?

— Нет. О старой схеме — да. О ключе и журнале — нет. Я не пыталась скрыть то, чего не видела.

— Вы скрывали другое, — сказала Вера.

Нина опустила глаза.

— Да. И теперь понимаю, что это могло затруднить проверку. Но я не знала про ручной режим.

Вера не ответила сразу. Нина не просила оправдания, и Вера не собиралась выдавать его вместо неё. Она придвинула к Ладе чистый лист.

— Запишите отдельно, что Нина Савельевна сейчас вспомнила, и отдельно — что подтверждено футляром.

— Именно так, — сказала Лада.

Савин связался с дежурной группой и попросил проверить, сохранились ли в городском архиве журналы аварийного управления за апрель 2004-го. Лада добавила запрос на копии планов и актов осмотра. Вера набрала Матвея, хотя

тот стоял в двух шагах от неё, и показала экран с фотографией схемы.

— Не надо открывать шахту, пока Арсений не закончит осмотр, — сказала она.

Матвей посмотрел на неё с привычным раздражением, но теперь не спорил.

— Я понял.

— Я спрашиваю, потому что хочу, чтобы ты выбрал сам, а не потому, что считаю тебя безответственным.

Он задержал на ней взгляд.

— Хорошо. Я подожду.

Это было не примирение, но между ними впервые за вечер не осталось недосказанного приказа. Вера убрала телефон и вернулась к столу. На схеме, между двумя обугленными отметками, ещё различался номер поста ручного управления.

Теперь у них было не просто старое предание о лифте, который будто бы двигался без питания. В футляре лежала инструкция, подтверждавшая существование аварийного режима, и запись о его подготовке в ночь пожара. Но кто взялся за ручной привод, оставалось неизвестным.

Вера внесла в блокнот точное время каждой фотографии и отдельно отметила инициалы, повторившиеся на двух документах. На этот раз у неё не было желания торопиться с выводом. Ей хотелось узнать, что произошло в шахте, и не позволить ни страху, ни догадке подменить ответ.

Глава 3. Письма в шахте

К полуночи дождь стал тише, но не прекратился. Он шуршал по козырьку над входом и стекал с него редкими тяжёлыми каплями. В кладовой пахло мокрой одеждой, пылью и остывшим чаем. Нина Савельевна ушла домой, забрав с собой копии журналов; Лада проводила её до двери и попросила утром принести оригиналы записей за 2004 год. Матвей всё ещё ждал, хотя за последние полчаса несколько раз посмотрел на часы.

Арсений вернулся из подвала с фонарём и планшетом под мышкой. На рукаве его куртки темнело пятно сырости.

— Питание отключено. Кабина зафиксирована, тормоз проверен. Можно осматривать шахту снизу, без движения лифта.

— А если там кто-то оставил что-то специально? — спросил Матвей.

— Тогда тем более не будем трогать без фото и перчаток.

Вера заметила, как брат сжал губы. Он уже приготовился спорить, но, кажется, вспомнил, что обещал ждать. Вместо возражения он протянул Арсению рабочие перчатки.

— Взял в машине. Чистые.

— Спасибо, — сказал Арсений и посмотрел на него прямо. — И хорошо, что ты не полез туда раньше.

Матвей отвёл глаза.

— Я умею ждать, когда мне объясняют зачем.

Лада подняла с подоконника папку с распечатками.

— Тогда объясните и мне. Почему вы решили, что осмотр снизу безопаснее, чем сверху?

Арсений положил планшет на стол и развернул схему шахты.

— Не безопаснее. Просто сейчас у нас есть доступ к нижней площадке, а кабина механически заперта. Сверху пришлось бы снимать часть ограждения у дверей, а это может изменить следы. Начнём с того, что доступно, зафиксируем крепления и направляющие. Если понадобится подняться выше — остановимся и согласуем, как именно.

Лада кивнула, но папку не закрыла.

— Я останусь здесь. Не хочу мешать, но и не хочу утром выяснять, что кто-то принял решение за жильцов.

— И не придётся, — ответила Вера.

Она сказала это быстро и услышала в собственном голосе обещание, которого никто не просил. На секунду ей захотелось добавить: «Я всё проконтролирую». Вера промолчала. Матвей сам спросил, может ли он осветить нижнюю площадку снаружи, и Арсений согласился, объяснив, где ему встать.

В подвале было холоднее, чем в кладовой. Вера шла последней, осторожно ступая по бетонным ступеням. Вода просочилась в дальний угол, но до шахты не дошла: на полу оставались только старые пятна и свежие следы грязи, которые тянулись от двери к щиту ручного управления.

Арсений заметил их раньше остальных.

— Не наступайте.

Матвей остановился, приподняв ногу.

— Это наши?

— Не знаю. Вот и запишем, что не знаем.

Вера включила камеру и сняла следы с нескольких расстояний. Грязь была тёмной и зернистой; в одном отпечатке различались две параллельные канавки. Она не стала угадывать, что могло их оставить. Арсений измерил расстояние от следа до щита, затем осмотрел замок. Следов взлома не было, но на краю металлической дверцы блестела свежая царапина.

— Это появилось сегодня? — спросила Вера.

— Не могу сказать. На фотографии из папки края не видны, — ответил Арсений. — Сравним утром при хорошем свете.

Он закрепил фонарь так, чтобы луч падал в шахту, и заглянул вниз. Вера стояла в стороне, чувствуя в ладони холод телефона. Шахта казалась пустой, хотя свет не доставал до самого дна: темнота съедала его постепенно, метр за метром.

Матвей подсветил снизу.

— Вижу кабину. Она стоит ровно.

— Не приближайся к краю, — сказал Арсений.

— Я и не приближаюсь.

— Хорошо. Так и оставайся.

Вера посмотрела на брата. Он не обиделся, только поправил фонарь, чтобы не дрожала полоса света. Арсений опустил в шахту камеру на телескопической штанге. Сначала

на экране появились рельсы, потом бетонные стыки, кабельные скобы. На одном участке штукатурка осыпалась, обнажив кирпич. Ничего необычного.

— Чуть левее, — сказала Вера.

Арсений изменил угол. Между стеной и направляющей мелькнул узкий прямоугольник, почти сливавшийся с кирпичной кладкой.

Он остановил камеру.

— Видите?

Вера приблизилась к экрану. Там, в щели шириной не больше ладони, что-то белело. Не бумажный обрывок: край был ровный, сложенный вдвое, и зажат между кирпичом и металлической скобой.

— Похоже на конверт, — сказала Лада с верхней ступени.

— Похоже, — согласился Арсений. — Но пока не знаем, что это.

Он сделал несколько снимков, меняя увеличение. На бумаге проступила бледная синяя линия. Вера узнала такие линии по старым канцелярским конвертам, но промолчала. Одного цвета было мало, чтобы объявлять находку письмом.

— Его можно достать? — спросил Матвей.

— Не сейчас. Сначала зафиксируем положение и поймём, не держит ли скоба кладку. Если потянуть, можем порвать бумагу или уронить её ниже.

Вера подняла взгляд от экрана.

— А если это из той ночи?

— Тогда оно пролежало здесь двадцать лет, — сказал Арсений. — Ещё несколько часов ничего не изменят.

Слова прозвучали просто, без утешения, и от этого Вера поверила им. Она записала время, точку обнаружения и положение скобы. Затем попросила Матвея сфотографировать экран рядом с линейкой, не наклоняясь к шахте. Он сделал снимок и показал ей, прежде чем отправить в общий архив.

— Утром вызовем техника по шахтам, — сказал Арсений. — Достанем предмет контролируемо, при свидетелях. До этого никто не трогает скобу и не открывает щит.

— Даже если там письмо? — спросил Матвей.

— Особенно если там письмо.

На обратном пути Вера остановилась у подножия лестницы. За её спиной шахта снова стала почти невидимой; только свет фонаря резал темноту узкой полосой. Она подумала о людях, которые могли оставить там конверт, и о тех, кто потом искал его в коробках, шкафах и чужих воспоминаниях. Но пока у неё была лишь находка: бумага за скобой, двадцать лет в пыли и ни одного имени.

Вера закрыла блокнот.

— Утром будем разбираться вместе.

Матвей посмотрел на неё, потом на Арсения.

— Вместе — это значит, каждый решает за себя?

— Именно, — сказала Вера.

И впервые за вечер брат не стал проверять, действительно ли она это имеет в виду.

Утром техник пришёл раньше, чем обещал, и всё равно застал их у шахты.

Вера слышала его голос из коридора, когда ещё записывала в журнал время прибытия Арсения. За окном висело низкое серое небо; ночной дождь оставил на подоконнике грязные капли. Матвей принёс из мастерской складной светильник и поставил его у двери, не включая. Лада проверяла документы техника, а Нина Савельевна стояла чуть в стороне, прижав к груди папку с журналами жильцов.

— Вы всё-таки приехали, — сказала Вера, закрыв блокнот.

— Когда слышу «старая шахта» и «пожарные документы», стараюсь не опаздывать, — ответил техник. — Я Климов. Покажите, где нашли бумагу.

Арсений коротко изложил, что они успели осмотреть и чего не касались. Климов выслушал, надел каску и подошёл к щиту управления. Перед тем как открыть дверцу, он попросил всех отступить от шахты и проверил, что питание лифта отключено. Потом осмотрел замок, рельсы и крепления с площадки, не спускаясь в шахту.

— Бумага действительно зажата скобой, — сказал он, сверившись с изображением на камере. — Саму скобу трогать нельзя. Но можно снять её вместе с частью старого крепежа, если не торопиться.

— С крепежом, — повторила Вера. — Не вытаскивать письмо отдельно.

— Именно.

Климов закрепил рабочий фонарь, сделал ещё несколько снимков и выбрал подходящий инструмент. Арсений следил за его руками, не вмешиваясь. Вера держала блокнот раскрытым на чистой странице. Матвей остался рядом с Арсением, но теперь стоял не у самой шахты, а за обозначенной мелом линией.

Когда Климов ослабил крепление, в глубине звякнул металл. Все замерли. Ничего не упало. Техник подождал, проверил скобу и продолжил. Через несколько минут она поддалась. Он поднял её осторожно, вместе с узкой крошкой раствора, и передал Арсению в пластиковый контейнер.

Белый прямоугольник лежал внутри. Сложенный конверт был потемневшим по краям, но не рассыпался. На клапане сохранился след синей печати — круг, перечёркнутый тонкой линией.

— Не вскрываем здесь, — сказала Лада.

— И не будем, — ответила Вера.

Она сама удивилась, как спокойно это прозвучало. Ей хотелось развернуть бумагу немедленно, увидеть адрес, почерк, хоть какое-нибудь имя. Но конверт пролежал в стене два десятилетия, и теперь самое трудное было не позволить любопытству испортить его за несколько секунд.

Климов закончил осмотр крепления и составил акт. Вера вписала в журнал время извлечения, место и фамилии присутствующих. Лада подписала как свидетель, затем Арсений.

Нина Савельевна долго смотрела на конверт, но к столу не подошла.

— Вы узнаете печать? — спросила Вера.

— Нет, — сказала Нина Савельевна. — Или не хочу угадывать прежде, чем увижу.

Они перенесли контейнер в бывшую архивную комнату. Там Лада устроила на столе чистую бумагу, а Арсений включил камеру. Конверт открывали не ножом, а тонким шпателем, миллиметр за миллиметром. Клапан держался на высохшем клее; когда он наконец отделился, внутри оказались два листка, сложенные вместе, и узкая полоска бумаги, похожая на обрывок квитанции.

Первое письмо было написано крупным неровным почерком. Чернила местами побледнели, но слова читались.

«Марии Андреевне. Если не успеем вернуться за коробкой, отдайте её Лиде. Не в архив. Там уже всё перепутали. Папка с выписками и лист, где написано, кто жил в пятой комнате, должны остаться у семьи. Я приду к вам, как только пустят обратно. Веранда у вас целая?»

Вера перечитала последнюю строку. Лада наклонилась над листом, не касаясь его.

— Это явно не о лифте, — сказала она. — Речь о документах и о людях, которых могли записать в комнате.

— Может быть, — ответила Вера. — Пока у нас нет ни адресата с фамилией, ни даты.

На втором листке почерк был мельче, аккуратный, с вы-

тянутыми буквами. В начале сохранилось обращение: «Мария Андреевна, я забрала девочку не из пятой комнаты, а из комнаты у лестницы. Имя в списке неверное. Не исправляйте его без матери». Дальше шла подпись, размытая у края: «Лидия».

Нина Савельевна резко вдохнула. Матвей посмотрел на неё.

— Вы знаете, о ком речь?

— Нет, — сказала она. — Но я знаю, почему такие листы могли оказаться в доме. В ту ночь людей записывали там, где находили место. В архиве потом сводили списки, и если кто-то переносил имя не туда... — Она осеклась. — Это не доказательство подмены. Это только письмо.

— И важное уточнение, — сказала Лада. — Кто-то просил не менять запись без матери. Значит, автор боялся, что чужое решение станет официальным фактом.

Вера осторожно подняла узкую полоску бумаги пинцетом. На ней проступали цифры и часть штампа: «передано на временное хранение», а ниже — номер, начинавшийся на «П-17». Она записала его, не пытаясь дополнить нечитаемое.

— Мы нашли не одно письмо, — сказала она. — Здесь два сообщения и, возможно, отрывок учётной записи. Они говорят о передаче документов между жильцами во время эвакуации. И о том, что один из списков мог быть неточным.

— Значит, в доме могли скрывать ребёнка? — спросил Матвей.

— Не делай из одной фразы целую историю, — сказала Лада. — Пока мы знаем только, что автор просила не исправлять имя без матери. Остальное надо искать в документах, а не додумывать за тех, кто уже не может ответить.

Матвей отвёл взгляд. Вера заметила, что он сжал край стола, но не вмешалась. Он сам отпустил его и придвинул к ней журнал.

— Запиши номер полностью. На полоске есть ещё отметка у сгиба.

Там действительно виднелась короткая косая черта, а рядом — два выцветших знака, похожих на «ЛС». Вера добавила их в описание находки, отдельно пометив, что чтение предварительное. Арсений сделал снимки при боковом свете и сохранил исходные файлы.

— Теперь у нас есть конкретный след, — сказал он. — Номер передачи, два имени и упоминание комнаты у лестницы. Это можно сопоставить с журналами эвакуации, больничными списками и семейными бумагами.

— И с архивом, который увезли из дома, — добавила Лада. — Запросы будем подавать официально. Никаких обвинений, пока не увидим независимые документы.

Нина Савельевна открыла свою папку. Несколько секунд она держала её раскрытой, не решаясь достать бумаги. Потом вынула тонкую тетрадь с выцветшей обложкой.

— В моих записях есть временный список жильцов после пожара. Я раньше не показывала его, потому что там бы-

ли данные семей, которые не хотели, чтобы их адреса разошлись. Но этот лист можно сверить под контролем Лады. Без копий, если понадобится.

Лада внимательно посмотрела на неё.

— Вы понимаете, что мы не обещаем скрыть сведения, если обнаружим угрозу чьим-то правам?

— Понимаю, — сказала Нина Савельевна. — Поэтому и принесла.

Она положила тетрадь рядом с контейнером, не раскрывая наугад. Вера ощутила, как впервые за несколько дней у расследования появился не только предмет, найденный в шахте, но и человек, готовый рискнуть собственной осторожностью ради проверки.

Снаружи хлопнула дверь подъезда. Кто-то прошёл по коридору, и звук шагов стих у лестницы. Вера посмотрела на запись в блокноте: «комната у лестницы», «Лидия», «П-17». Пока это были не ответы, но теперь у каждого из них имелся путь, по которому можно было идти без догадок.

Она закрыла контейнер и передвинула его к центру стола, подальше от края.

— Сначала сверим список Нины Савельевны, — сказала Вера. — Потом подадим запросы по номеру передачи. А письмо останется здесь, пока специалист не оценит состояние бумаги.

— Хорошо, — ответила Лада. — И никто не решает за семью, что ей нужно знать, пока мы не выясним, чья это семья.

Вера кивнула. На этот раз она не стала добавлять, что уже всё предусмотрела. Вместо этого подвинула Нине Савельевне стул и оставила место рядом с собой.

Нина Савельевна сняла очки и протёрла их краем платка. Вера не торопила её. Тетрадь лежала раскрытой на чистом листе, но Нина всё ещё придерживала обложку, словно бумага могла выскользнуть из рук и сама раскрыть то, что она годами берегла.

— Я помню, как писала этот список, — сказала она. — Не все лица, но порядок помню. Тогда в коридоре было холодно, люди стояли в пальто, а я пыталась записать, кто куда ушёл. Никакого настоящего журнала эвакуации у меня не было. Только то, что говорили жильцы.

— Мы не будем считать эти записи подтверждением, — ответила Лада. — Это ориентир для сверки. Вы можете остановиться в любой момент.

Нина кивнула и перелистнула страницу.

Вера придвинула лампу. На листе неровными рядами шли фамилии, номера квартир, короткие пометки: «у сестры», «больница», «временное размещение». Почерк местами расплывался, чернила ослабли до бурого цвета. В конце списка кто-то провёл косую линию, будто собирался отделить ещё одну запись, но передумал.

— Здесь, — сказала Нина. — Вот Лидия. Фамилия не указана. Я тогда знала её только по имени. Она жила не у нас, приходила к женщине со второго этажа. Вроде бы родствен-

ница.

— В каком году? — спросила Лада.

— До пожара. В девяносто восьмом или девяносто девятом. Точно не скажу.

Вера отметила строку, не касаясь бумаги: «Лидия — временно у Соколовых, после эвакуации переведена в пункт размещения». Дальше стояли две буквы, похожие на инициалы, и номер, который мог быть комнатой или номером койки.

— П-17, — тихо произнёс Арсений.

— Или П-1? — Вера наклонилась к листу. — Последняя черта может быть складкой.

Арсений не стал приближать телефон к странице.

— Я не буду фотографировать без согласия Нины Савельевны. Но можно поставить свет сбоку. Возможно, станет видно, продавлена ли цифра.

Нина посмотрела на него с благодарностью, затем снова на запись.

— Давайте.

Лада подложила под тетрадь чистый лист картона и повернула лампу. Косой свет выявил слабую борозду после семёрки. Вера увидела, что это не ещё одна цифра, а след от нажима на оборотной стороне.

— Значит, номер П-17, — сказала она. — Но пока неизвестно, что он обозначает.

— Пункт размещения, скорее всего, — ответила Нина. — После пожара людей распределяли по школам и общежитию.

Насколько я помню, в актовом зале школы номер два стояли раскладушки.

Арсений перелистнул свой блокнот до страницы с описанием полоски из письма.

— На письме обозначение такое же: П-17. Совпадают номер и две буквы. Это уже не случайная схожесть, но всё ещё не доказательство, что запись относится именно к отправителю.

— И имя Лидия пока неполное, — добавила Лада. — По нему нельзя искать человека вслепую и тем более связываться с теми, кто может оказаться не при чём.

Вера записала ограничения отдельно, крупными буквами. Ей хотелось уже подставить к имени фамилию, найти в списке эвакуированных и наконец увидеть цельную цепочку. Но между строкой в тетради и письмом оставались годы, переезды, чужая память. Заполнить эти промежутки собственным воображением было проще всего.

— У вас есть контакт тех, кому принадлежала квартира Соколовых? — спросила она.

Нина задумалась.

— Квартира принадлежала Павлу Соколову. Он умер давно. Дочь жила в Грановске, потом уехала. Фамилия у неё могла измениться.

— И вы не знаете, где она сейчас? — уточнила Лада.

— Нет. Я не искала. Тогда мне казалось, что чем меньше людей знают о временном списке, тем лучше для жильцов.

В её голосе не было попытки оправдаться. Нина поправила угол страницы и снова надела очки.

— Я думала, что защищаю их. Если бумаги попадут не в те руки, человека могут объявить живущим в квартире, которой у него уже нет. Или, наоборот, лишним жильцом. После пожара многие боялись потерять регистрацию.

— Могли и потерять, — сказала Лада. — Но теперь мы должны выяснить, что именно подтверждают эти записи. Сначала запросим доступ к документам о размещении. Не список целиком, а сведения по номеру пункта и дате.

— А фамилию Лидии? — спросила Вера.

— Ищем только через источники, связанные с эвакуацией, — ответила Лада. — Не через соседей и не через случайные совпадения. Если найдём возможную семью, сначала проверим основание, а потом решим, как обратиться. Не будем приносить ей чужую историю и требовать, чтобы она узнала в ней свою.

Вера услышала в этих словах упрёк — не резкий, но точный. Она с утра держалась за письма так, будто, получив их, уже получила право распорядиться всем, что они могли значить.

— Согласна, — сказала она. — Я не стану писать никому без проверки.

Матвей, который до сих пор молча стоял у окна, оттолкнулся от подоконника.

— А я могу поискать, кто ремонтировал школьное обще-

житие после пожара. У меня в мастерской старые наряды по муниципальным объектам. Может, там сохранились номера комнат.

— Не по адресу искать семьи, — предупредила Лада.

— Я понял. Только бумаги по ремонту.

Вера посмотрела на брата. Он не просил разрешения, но и не рвался немедленно куда-то ехать, доказывая, что способен решить всё сам.

— Сходи, если хочешь, — сказала она. — Только ничего не забирай и не копируй без согласия владельца. Запиши, где и у кого смотрел.

Матвей чуть заметно усмехнулся.

— Я умею читать наряд, а не только держать перфоратор.

— Я знаю, — ответила Вера. — Именно поэтому спрашиваю, а не поручаю тебе молча.

На секунду лицо его стало мягче. Потом он кивнул и убрал руки в карманы.

Нина перевернула тетрадь, чтобы посмотреть оборот страницы, не прикасаясь к сгибу. Там проступали зеркальные следы чернил, но прочитать их без специалиста было нельзя.

— На следующий день я записала ещё кое-что, — сказала она. — В комнате у лестницы оставили конверт. Я не знала, кому он предназначен. Положила в шкаф с домовою документацией, а через несколько месяцев конверта уже не было.

Вера и Арсений переглянулись.

— Вы помните его размер или цвет? — спросил Арсений. Нина закрыла глаза, пытаясь вспомнить.

— Обычный белый конверт. Может, немного серый от пыли. На нём было написано «Лидии». Без фамилии. Я не открывала. Тогда решила, что кто-то заберёт. А потом забыла.

— Это могло быть то самое письмо? — спросил Матвей.

— Могло, — ответила Лада. — А могло быть другое. Мы не знаем.

Вера записала и это, но не внесла конверт в перечень подтверждённых находок. Пока он существовал только в памяти Нины Савельевны. Она заметила, что та смотрит на неё, будто ждёт решения — простить ли, осудить или просто поверить.

— Спасибо, что рассказали, — сказала Вера. — Мы проверим, когда и куда передавали домовую документацию после пожара. Если конверт сохранился, будем искать его по описям.

Нина кивнула. Её плечи опустились, словно она впервые за много лет позволила себе не держать на них всю ответственность за чужую тайну.

Арсений открыл снимки полоски с письмом и увеличил тот кадр, где при боковом освещении виднелся сгиб. Он не прибавил яркости, чтобы не изменить изображение, а просто повернул экран к Вере.

— Здесь после номера есть ещё одна отметка. Не только «ЛС». Видишь две короткие черты перед буквами?

Вера наклонилась. Возле сгиба действительно проступали тонкие штрихи, которых она раньше не заметила. Они могли быть частью печатного обозначения или следом от другой записи. Никакого имени они не открывали, но усиливали ощущение, что письмо прошло через руки нескольких людей.

— Оригинал пока не трогаем, — сказала Лада. — Покажем реставратору. А номер передачи подадим отдельным запросом, без предположений о виновных или родстве.

Вера закрыла блокнот и посмотрела на тетрадь Нины. Теперь у них был путь к документам о временном размещении, возможный пункт П-17, имя Лидия и воспоминание о конверте в комнате у лестницы. Каждая новая деталь расширяла расследование, но не позволяла ни одной из них объявить разгадкой.

Она подвинула Нине Савельевне стакан воды. Та взяла его обеими руками.

— Я не обещаю, что больше не буду бояться, — сказала Нина. — Но если найду ещё что-нибудь, не стану решать за вас, можно ли это знать.

— И за жильцов, — добавила Лада. — Решение о личных сведениях будем принимать вместе с теми, кого они касаются.

— Хорошо.

С улицы донёсся короткий гудок машины. Арсений посмотрел на экран, получил сообщение и убрал телефон.

— Савин нашёл камеру у магазина. Изображение мужчи-

ны в тёмной куртке может оказаться достаточно чётким, чтобы сравнить походку. Это пока не связывает его с письмами, но поможет установить, кто оставил коробку.

— Тогда проверим отдельно, — сказала Вера. — Ни одну из этих линий не будем склеивать только потому, что они появились в один вечер.

Матвей уже направился к двери. На пороге он остановился, ожидая, не передумает ли Вера и не начнёт ли снова распределять ему задачи.

Она не стала.

— Я позвоню, когда найду документы, — сказал он.

— Хорошо. И ты решишь сам, стоит ли забирать их на просмотр или достаточно будет записать данные.

Матвей кивнул и вышел.

Вера снова посмотрела на строки Нининой тетради. Она больше не пыталась угадать фамилию Лидии по обрывку и не представляла, кому именно могли передать письма во время эвакуации. На чистой странице блокнота она написала три пункта: номер передачи П-17; список размещения после пожара; временный конверт, упомянутый Ниной Савельевной. Напротив каждого поставила не имя, а способ проверки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.